

С. Н. Азбелев

К ИЗУЧЕНИЮ ИОАКИМОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Как известно, текст Иоакимовской летописи (далее: ИЛ) доступен для непосредственного использования и стал объектом изучения только в тех выдержках из нее, которые переписал В. Н. Татищев.¹ В четвертой главе первой части своей «Истории Российской» он подробно рассказывает об обстоятельствах получения им на время трех тетрадей, вынутых из более обширной рукописи, которая после их возврата оказалась утраченной вследствие смерти владельца. Татищев привел, снабдив своими примечаниями, не весь текст этих тетрадей, а только те фрагменты, содержание которых имело отличия от «Повести временных лет» или вообще не находило в ней соответствия. Он изредка сообщает, какие части ее текста имели полное соответствие тексту ИЛ. Иногда можно догадываться об этом и на основании некоторых примечаний историка, но все же трудно составить обоснованное мнение о том, каков был весь состав известий ИЛ, содержащихся в тетрадях, находившихся временно у Татищева.

Напечатанный после его смерти текст передает содержание рукописи ИЛ не всегда с буквальной точностью, ибо Татищев, как это установлено, переписывая источник, иногда переходил на пересказ и даже вставлял свои пояснения. Рукопись, которую он имел в руках, по его свидетельству, написана «новым, но худым письмом», а в оригинале ее были утрачены два листа, о чем сообщал сам переписчик. Эти листы были вырваны, а в каком состоянии по сохранности находились остальные листы оригинала, сведений нет. Неизвестно, к какому времени относился этот оригинал и какова была редакторская работа его переписчика.

Сам Татищев, вероятно, несколько раз обращался к тексту ИЛ, «худое письмо» которой побуждало перечитывать и уточнять передачу трудных разбираемых мест. Внимательно комментируя используемые им фрагменты ИЛ, он, однако, не во всех случаях приводил их текстуально Целиком. Таков переход от княжения Ярополка к княжению Владимира: «О убийстве Ярополка, рождении Святополка и пр. почти согласно

¹ См.: Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1 (далее: Татищев). С. 108—113. При цитировании этого небольшого по объему текста страницы издания не указываются.

с Нестором и житие Владимирowo описано со многими пирами и веселии, которые к сему не принадлежат», это пояснение дано Татищевым в замену текста, который, «почти» согласуясь с «Повестью временных лет», как видно, содержал еще и подробное описание знаменитых пиров, — о них певцы былин, известных уже Татищеву, повествовали собирателям фольклора вплоть до середины XX в. В тексте ИЛ есть переданные Татищевым прямые отсылки к фольклорным источникам. Но пользование ее составителя материалами подобного рода далеко не ограничивалось случаями, когда это оговорено.

Отсутствие рукописи ИЛ и «баснословность» ее начальной части давали повод сомневаться в подлинности этого памятника и даже побуждали некоторых скептиков обвинять в подлоге самого Татищева. Неосновательность такого подозрения была со временем установлена, но продолжалась дискуссия по вопросам достаточно серьезным: восходит ли текст, попавший в руки Татищева, к древнему памятнику, если восходит, то мог ли действительно быть его составителем первый епископ Новгорода Иоаким, каков характер изменений и дополнений, которыми уснащался древний текст при позднейшем редактировании, и не является ли ИЛ целиком плодом историографического сочинительства относительно недавнего времени, ложно приписывавшимся Иоакиму. В ходе дискуссии был поднят вопрос об источниках ИЛ, об их происхождении, датировке и характере их использования в ИЛ; обсуждалось и соотношение ИЛ с другими памятниками летописания.

Составителем ИЛ предлагали считать новгородского митрополита, впоследствии — патриарха Иоакима, умершего в 1690 г., или монаха Иоакима, бывшего архимандритом Бизюкова монастыря до того, как его архимандритом стал Мелхиседек, приславший рукопись ИЛ Татищеву. Соответственно истолковывались слова первой фразы напечатанного им текста, где говорилось, что эту летопись «святитель Иоаким, добре сведомый, написа», — слова, отнесенные Татищевым к епископу Иоакиму, умершему в 1030 г.

История изучения ИЛ рассматривалась несколько раз с разной степенью полноты. Наиболее обстоятельный обзор работ о ней был некогда осуществлен И. П. Сениговым, более подробная библиография их выполнена позднее Н. К. Никольским и напечатана около ста лет назад. Библиография летописания, составленная Р. П. Дмитриевой, в аннотациях отраженных там работ учитывает ИЛ по 1956 г. До этого же года доведен последний по времени краткий обзор работ, посвященных ИЛ, который опубликован О. В. Твороговым в 1987 г.² В этот обзор не попали несколько важных исследований, появившихся между 1956 и 1987 гг., а суммарное рассмотрение работ предшествующего времени сторонником критического восприятия ИЛ побуждает прежде, чем говорить о недавних трудах, коротко остановиться на главных результатах изучения ИЛ и отношении к ней историков до середины XX в.

² См.: *Сенигов И.* Историко-критические исследования о новгородских летописях и о Российской истории В. Н. Татищева. М., 1887. С. 150—169; *Никольский Н. К.* Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). Корректированное издание. СПб., 1906. С. 71—74; *Дмитриева Р. П.* Библиография русского летописания. М.; Л., 1962; *Творогов О. В.* Иоаким // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Вып. 1 (XI -первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 204—206.

Еще Н. М. Карамзин, не отнесшийся к ИЛ серьезно и назвавший ее «шуткой» В. Н. Татищева, породил скептическое восприятие этого памятника, дожившее частично до недавнего времени даже в некоторых обобщающих работах (хотя такого рода суждения встречались и у менее известных ныне предшественников Карамзина).

Однако вполне определенно выступил против негативного взгляда на ИЛ С. М. Соловьев в предпринятой им характеристике трудов Татищева: «Можно как угодно ценить так называемую Иоакимовскую летопись, принимать ее известия в соображение при исследованиях или не принимать, — писал Соловьев, — но никак не должно обвинять Татищева за то, что он сохранил нам отрывок, во всяком случае любопытный, или приписывать ему самому подлог; надобно только удивляться осторожности Татищева, благодарить его за подробное описание отрывка и обстоятельств, при которых он ему достался».³ Не менее значимым было и суждение Соловьева о самом тексте ИЛ: «По внимательном рассмотрении отрывка оказывается, что он составлен в позднейшие времена, но составитель имел в руках начальную Новгородскую летопись, с именем епископа Иоакима, или хотя и без имени, но с ясными указаниями, что она написана этим епископом».⁴

Вышедший годом позже труд об ИЛ, принадлежавший П. А. Лавровскому,⁵ поныне является единственным разносторонним исследованием этого памятника. Существенно, что за прошедшие почти полтора столетия основные положения этой работы остались почти непоколебленными, несмотря на попытки оспорить их. Лавровский подразделил ИЛ на две части: первая составлена в сравнительно недавнее время и в целом не является исторически достоверной. Она основана преимущественно на поздних источниках, хотя «имя Гостомысла, князя или старейшины новгородского, и название города Славенска заставляют предполагать у автора присутствие <...> списков летописей древних» (118). Вторая часть летописи, начиная от Рюрика, иного рода: она передает содержание древнего источника, составителем которого мог быть если не епископ Иоаким, то, во всяком случае, представитель духовенства, близкий описанным событиям. Он или был современником крещения новгородцев, или знал о нем по рассказам очевидцев. Вторая часть содержит «достоверные, действительные известия» (157), причем не исключено, что написана она была в первоначальном своем виде первым новгородским епископом.

Скептический взгляд на ИЛ в довольно резкой форме высказал известный историк церкви Е. Е. Голубинский, стремясь обосновать его содержанием своего доклада, опубликованного в 1881 г.⁶ Передавать

³ Соловьев С. М. Писатели русской истории XVIII века // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. М., 1855. Кн. 2, первая половина. Отд. 3. С. 25.

⁴ Там же. С. 24.

⁵ См.: Лавровский П. А. Исследование о летописи Якимовской // Ученые записки Второго отделения Императорской Академии наук. СПб., 1856. Кн. 2, вып. 1. Отд. 2. С. 77—160. (Отдельным оттиском работа вышла еще в 1855 г.) Далее страницы этой и последующих работ указываются в тексте.

⁶ См.: Голубинский Е. Е. О так называемой Иоакимовской летописи Татищева // Творения святых отцов в русском переводе, издаваемые при Московской духовной академии. М., 1881. Кн. 4. Прибавления. С. 602—640.

доводы Голубинского сейчас нет необходимости, так как они были внимательно разобраны и опровергнуты уже в 1883 г. обстоятельной рецензией И. А. Линниченко. Показав, что ИЛ не является фальсификатом и что составление ее невозможно приписывать Татищеву, Линниченко, однако, отнесся к тексту ИЛ все же несколько предвзято, далеко не во всем соглашаясь с Лавровским. По мнению рецензента, вторая часть ИЛ скорее является компиляцией известий, взятых как из сохранившихся, так и из несохранившихся летописей, которую обильно уснастили «прагматико-риторические амплификации» позднего составителя; за вычетом их останется сравнительно немного оригинального материала, взятого из несохранившейся древней летописи. К таким известиям Лавровский относил «рассказ о крещении новгородцев (но едва ли весь), может быть, известие, что король угорский приходился тестем Святославу, и также известие о присылке к нам первых иереев из Болгарии».⁷

Хотя рецензия И. А. Линниченко в сущности не решала основные вопросы изучения ИЛ, она показала полную несостоятельность мнения, будто бы ее текст является фальсификатом В. Н. Татищева. Специальных работ о ней долго не появлялось, но своеобразный рецидив скептического отношения к ИЛ представила малоизвестная у нас из-за обстоятельств начала Второй мировой войны, хотя и напечатанная в довольно авторитетном издании, статья Мишеля Горлина,⁸ о которой стоит поэтому сказать.

М. Горлин не считает Татищева автором фальсификата и даже пишет вслед за И. А. Линниченко, что Татищев «был честный труженик, серьезный исследователь, который не пошел бы на подобную мистификацию» (49). Но в итоге приходит к заключению, что фальсификатором был «поощряемый и подстрекаемый Татищевым» архимандрит Мелхиседек (50). Вообще негативное отношение М. Горлина к ИЛ по своему накалу сопоставимо с тем, что высказывал Е. Е. Голубинский. Но М. Горлин претендует еще и на оценку привлечших его внимание трудов. Он не пощадил даже А. А. Шахматова, хотя последний, строго говоря, не может быть отнесен к исследователям приведенного у Татищева текста ИЛ. М. Горлин высказывает убеждение, что А. А. Шахматов «был под сильным впечатлением от чтения Татищева» и что «именно нашей летописи посвящена самая сомнительная часть его реконструкции» (43) — отослав к с. 495—508 «Разысканий» А. А. Шахматова, которые Горлин, видимо, прочел не слишком внимательно: на них рассматриваются главным образом летописные известия о событиях, происходивших значительно позже того, на чем обрывается известный нам текст ИЛ, который привел Татищев.

Как пишет Горлин, «исторические и политические интересы второй четверти XVIII в. оставили свой весьма четкий след» в тексте ИЛ, а «мотивы, которыми руководствовались» при ее создании, состояли в том, чтобы «узаконить недавние завоевания». Полагая, что он пересказывает текст, напечатанный Татищевым, Горлин называет «область, за-

⁷ Линниченко И. Краледворская рукопись и Иоакимовская летопись // ЖМНП. 1383. Ч. 229. № 10. Отд. 2. С. 254, 255.

⁸ См.-. Gorlin M. La chronique de Joachim // Revue des Etudes Slaves. 1939. Т. 19, fasc. 1-2. P. 40—51.

воеванную Буривоем к западу (а l'ouest) от реки Кюмень» (47), тогда как из текста ИЛ и примечания Татищева ясно, что владения Буриовой находились к востоку, а не к западу от нее. Завоевания же России в XVIII в., во-первых, вообще не простирались на запад от реки Кюмень, а во-вторых, сомнительно, чтобы их мог «узаконить» летописный текст, где говорится, что Буриовой «при оной реце побежден бысть, вся свои вой погуби, едва сам спасеся».

Согласно выводам Горлина, «связи, объединяющие Иоакимовскую летопись с интересами Татищева», свидетельствуют, что она была составлена «для Татищева», причем «эта подделка внушена была» им самим, ибо, как полагает Горлин, Татищев послал Мелхиседеку «сведения по проблемам, которые его интересовали» (49), желая получить их подтверждение, и ИЛ «стала как бы „материализацией" желаний Татищева» (50).

Кроме того, по убеждению Горлина, ИЛ была порождением борьбы Бизюкова монастыря против смоленских митрополитов: архимандрит Мелхиседек стремился «привлечь благосклонность Петербурга», и «большим козырем в этой игре» должно было стать нахождение в его обители «самой древней русской летописи», которая «показывала бы приоритетные права русских на Карелию» (51). Остается только неясным, с какой стати и каким образом Татищев при его сложных отношениях с церковью стал бы воздействовать на Синод в интересах Бизюкова монастыря и какую роль могло в этом сыграть подобное «подтверждение» русских прав на уже присоединенную опять Карелию, которая ранее входила в состав владений Великого Новгорода на протяжении ряда веков.

Специальное внимание М. Горлин обращает на присутствие в ИЛ скандинавских имен и географических названий. Часть их он возводит к переведенной на русский язык Татищевым и увидевшей свет в первом томе его «Истории» работе Г. С. Байера, до того изданной на латинском языке в 1738 г. (полагая, очевидно, что на латыни ее спешно изучал «мало грамоте умеющий» Мелхиседек). Другие скандинавские имена, по словам М. Горлина, «свободно придумываются» фальсификатором — наравне с такими славянскими, как Буриовой или даже Владимир, причем «все начало летописи находится под знаком русско-варяжских связей», а «тенденция автора» состоит в том, чтобы показать их древность и «снять тем самым с приглашения князей всякий характер иностранной интервенции» (46). Остается гадать, какие из предшественников предполагаемого фальсификатора трактовали приглашение Рюрика и его братьев как «интервенцию».

Мотивация Горлином подложности Иоакимовской летописи типологически сходна с предпринятой тогда же его учителем А. Мазоном мотивацией подложности «Слова о полку Игореве».

Необходимо сказать еще о специально посвященной ИЛ статье С. К. Шамбинаго, появившейся уже после войны.⁹ Со статьей Горлина Шамбинаго, по-видимому, знаком не был, а работу свою посвятил попытке обосновать тождество ИЛ и Новгородской третьей летописи последней четверти XVII в., имея в виду ее неопубликованную простран-

См.: Шамбинаго С. К. Иоакимовская летопись // Изв. 1947. С. 254—270.

ную редакцию. Тезис Шамбинаго оказался неверен, а доводы, выдвинутые в его подтверждение, — несостоятельны, что я в свое время попытался подробно показать.¹⁰

Автором ИЛ предлагали считать не только Татищева и архимандрита Мелхиседека. Те, кто доверяли указанию ее текста относительно авторства «святителя Иоакима», но не соглашались признать таковым Иоакима Корсунянина, излагали свои суждения по данному поводу. В. И. Григорович, выступивший с сообщением на Третьем археологическом съезде в 1874 г. (оно напечатано только в кратком изложении), указав на основании помянника, что «около 1730 года в Бизюкове монастыре жил архимандрит Иоаким», высказал мнение, что «этот Иоаким имел возможность из готовых летописей составить свод, тетради которого были доставлены Татищеву в 1748 году».¹¹ Однако названный Григоровичем Иоаким очень недолго возглавлял монастырь, откуда Татищев позже получил рукопись ИЛ, а сохранившаяся характеристика этого монаха современниками делает крайне маловероятным предположение о его причастности к столь серьезному делу, как составление летописного свода.¹²

Л. В. Черепнин, определивший время составления и многие из источников Новгородской Забелинской летописи, работа над которой, по наблюдениям Черепнина, была начата при новгородском митрополите Иоакиме, занимавшем эту кафедру в 1672—1674 гг., высказал предположение: «Нельзя ли видеть в Иоакимовской летописи одну из редакций Иоакимовского свода, т. е. новгородского свода конца XVII в., начатого при митрополите Иоакиме?»¹³ Как выяснилось, составление этого свода окончилось в 1680—1681 гг., а мысль относительно связи его с ИЛ Л. В. Черепнинным аргументирована не была; она может рассматриваться как осторожная догадка, что этот Иоаким — составитель ИЛ и что ему она обязана своим названием. Но опубликованные результаты изучения названного свода по всем его спискам¹⁴ не дают оснований для этой идентификации в такой же степени, как и для идентификации, предлагавшейся С. К. Шамбинаго.

Хотя в первое столетие изучения ИЛ «количественный» перевес и «последнее слово» были за теми, кто отрицал древность этого памятника (имею в виду специально посвященные ему работы), крупнейшие историки России, знакомые, конечно, с исследованиями ИЛ, не разделяли негативного к ней отношения и использовали даже ту часть ее, которую Лавровский не считал достоверной, — использовали с оговорками и без оговорок. Например, Г. В. Вернадский писал: «Согласно так называемой Иоакимовской летописи, утраченной, выдержками из ко-

¹⁰ См.: *Азбелев С. Н.* Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960. С. 47—55.

¹¹ Труды Третьего археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 года. Киев, 1878. Т. 1. С. LXV.

¹² Аттестация в его служебном формуляре сообщает: «в сибирских монастырях, местах своего служения, он жил непорядочно, пьянствовал беспросыпно, пребывал в срамословии, а равно и в Бизюкове монастыре вел непорядочное житие...» (*Строгонов П.* Ставропигиальный Бизюков монастырь и Смоленские епископы// ЧОИДР. М., 1905. Кн. I. Отд. 5. С. 45).

¹³ *Черепнин Л. В.* «Смута» и историография XVII века. (Из истории древнерусского летописания)//ИЗ. 1945. С. 127.

¹⁴ Они напечатаны на с. 71—76 упомянутой выше книги «Новгородские летописи XVII века».

торой, однако, пользовался В. Н. Татищев, имя словенского князя, изгнанного варягов, было Гостомысл».¹⁵ (Привлекал Г. В. Вернадский и другие уникальные сведения ИЛ.¹⁶) Рассказ ИЛ о Гостомысле обильно использовал Н. И. Костомаров; он приводил полностью и повествование ее о крещении Новгорода.¹⁷ Что же касается «История России» С. М. Соловьева, то здесь можно привести довольно много примеров, когда автор опирается в своих построениях на материал, который есть только в ИЛ.¹⁸

Отличается от рассмотренных работ по своей специализации вышедшая в 1960 г. статья Б. Клейбера «Скандинавские следы в старинной русской летописи», напечатанная в малодоступном издании.¹⁹ О ней поэтому следует сказать несколько подробнее. Но этот автор имеет в виду не только Иоакимовскую летопись: она служит для него в ряде случаев отправным пунктом суждений относительно примеров, больше связанных с «Повестью временных лет». Так, один из экскурсов посвящен летописному имени «Малфредь», в связи с которым речь идет вообще о женах Владимира, о его матери, о названии древлянской столицы «Искоростень» и сходном названии населенного пункта у Ильменя, о некоторых других летописных и нелетописных названиях и именах, происхождение которых Клейбер с разной степенью убедительности предлагает объяснять скандинавским воздействием. Упоминание в ИЛ Биармии не *только* дает повод Клейберу обратить внимание на то, что этого названия нет в других летописях; поскольку оно фигурирует в сагах, автор уделяет немало места вопросу о происхождении термина «Бьярмланд», работе Тиандера о поездках скандинавов в Белое море и изменчивости представлений о границах «Бьярмланда».

Далеко не все в работе Клейбера представляется бесспорным, но в целом ее отличает несравненно более серьезный подход к предмету и гораздо большая основательность в его рассмотрении, нежели то, что продемонстрировал М. Горлин.

Охарактеризовав деятельность Татищева и высоко оценив его труд по написанию Истории, Клейбер с большим почтением отзывается о русских летописях вообще, а затем говорит непосредственно об Иоакимовской. Рассматривая последовательно ее содержание, автор комментирует текст соображениями и параллелями, призванными обосновать гипотезу о скандинавском влиянии на древнейшую составляющую попавшего в руки Татищева материала. Решительно отклонив домыслы тех своих предшественников, которые считали его фальсификатом, Клейбер пишет о равновременности текста: обратив внимание на рассказ о крещении Новгорода, автор характеризует его как «необычайно живое и интересное повествование свидетеля», относительно которого,

¹⁵ Вернадский Г. В. История России: Древняя Русь. Тверь; М., 1997. С. 339 (английское издание вышло в 1943 г.).

¹⁶ Там же. С. 343–344 — о посадении вассальных князей Рюриком; с. 368 — о племенной принадлежности Олега.

¹⁷ См.: Костомаров Н. И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. СПб., 1886. Т. 1. С. 30–31, 36–39.

¹⁸ См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Соч. М., 1993. Т. I — на с. 135, 142, 154–155, на с. 155, 173, трижды на с. 174.

¹⁹ См.: Kleiber B. Nordiske spor i en gammel russisk krianike // Maal og Minne. Oslo, 1960. Heft 1–2. S. 56–70.

«конечно, можно предположить, что это сообщение написано» самим Иоакимом «или одним из его сотрудников»; но Иоаким не мог быть «автором всей летописи». По словам Клейбера, «с большой уверенностью можно предположить, что летопись, отрывок которой получил Таищев, является компиляцией старинных русских, польских и, возможно, чешских летописей и сказаний», которая составлена «не ранее XVI в., вероятно, в XVII в.». Но в ИЛ «имеется много интересных и важных сведений, которых нет в других летописях, и это выделяет ее среди других подобных компиляций». Причем, как подчеркивает Клейбер, «эта летопись особенно интересна для нас, так как мы находим в ней множество северных следов» (59).

Напомним, что, согласно исследованиям летописи Нестора, в ее древнейшей части хронологические указания отсутствовали и были внесены позже, Клейбер пишет: «Иоакимовская летопись сообщает нам в основном о тех же самых событиях, что и Нестор, но всегда без указания года. Это дает нам опять-таки право предположить, что в основе Иоакимовской летописи лежит текст, который древнее, чем списки летописи Нестора, которые дошли до нас» (65).

Поскольку ИЛ «начинается с фантастического повествования об очень древних славянских князьях», Клейбер отмечает, что, «как и в других подобных повествованиях, автор пытается объяснить названия городов и народов из личных имен». Но, зафиксировав внимание на упоминании князей «Гардорика» и «Гуннигара», Клейбер пишет, что «за именем Гуннигард, несомненно, стоит древнее скандинавское название Киева — Кенугардр» (59). Комментируя слова ИЛ о том, что князь Ванда «имел жену от варяг Адвинду, вельми прекрасну и мудру, о ней же многое от старых повествуется и в песнях восклицают», Клейбер дает гипотетическую скандинавскую этимологию имени, звучавшего предположительно «Ад-винр», допуская, что «в народе сохранилась память о северной героической личности, которая, возможно, жила однажды в древние времена в России», а «автор летописи пытается включить ее в родословное древо славянских князей, делая Адвинду легендарной женой Вандала» (60).

Легендарными персонажами Клейбер называет не только Ванда и Адвинду. О «легендарном образе» Гостомысла в статье говорится много, но Клейбер вообще не считает, что этот персонаж должен быть вымышленным. По словам исследователя, «в том, что варяги не сразу справились с Новгородом и подчинили его, а также, что их противников возглавлял тот или иной князь или иноподник, едва ли можно сомневаться». Это соображение приводится в пояснение того факта, что кроме повествования ИЛ существуют упоминания Гостомысла как первого посадника, а в «менее достоверных» летописях «Гостомysl выступает как князь Новгорода, который с успехом борется против варягов». В параллель имени и той общей аттестации, какая дана Гостомыслу в ИЛ, Клейбер приводит двух персонажей из саг, имена которых частично соотносимы по этимологии с именем Гостомысла и которые отчасти близки ему некоторыми из своих личных качеств. Но автор статьи оговаривается, что не намерен делать из этих соотношений «слишком далеко идущих выводов» (62). Для Клейбера «Колмогард», куда отправляется Гостомysl, дабы, поднявшись «на высокую», принести жертвы богам и вопросить при посредстве «весчунов» о своем наследнике, — это, несо-

мненно, Холмгард. В данном случае, как и в ряде других, автор статьи игнорирует заслуживающие внимания примечания Татищева, но оговаривает близость самим Клейбером тут же упомянутого названия «Колмово», которое обозначает «старинное местечко», находящееся «в нескольких километрах от Новгорода» (63). Обращение Гостомысла к «вещунам» в «Зимеголь» дает повод Клейберу напомнить о пути из Балтики к Черному морю по Западной Двине, где «скандинавы пришли в первое соприкосновение со славянами» и посещали Земгалию (63). Для автора, видимо, не вставал вопрос — не была ли она известна славянам не хуже, чем скандинавам.

Заслуживают внимания соображения Клейбера относительно сна Гостомысла. Правда, автор статьи, видимо, и в этом случае не прочел примечание Татищева, ибо пишет только от себя, хотя и подробнее, чем Татищев, о соотносимое^{TM} повествования об этом сне с аналогичным рассказом у Геродота. Но далее Клейбер верно отметил, что «в русском фольклоре сны встречаются лишь эпизодически», что «в летописи Нестора вообще нет никаких пророческих снов, а в одном месте (1071 г.) автор даже утверждает, что пророческие сны происходят от дьявола». Зато «в скандинавских сагах <...> пророческие сны весьма обычны, и именно дерево символизирует там происхождение, потомство и порядок наследования. Сон Гостомысла напоминает нам, — продолжает Клейбер, — прежде всего сон Рагнхильды. Подобные сны встречаются также в Шотландии и Ирландии», а «один подобный пророческий сон связан с рождением Вильгельма Завоевателя» (64).

Имя жены Рюрика — дочери «князя урманского» — Ефанда, по мнению Клейбера, — результат ошибки в прочтении имени «Сфанда». Не находя достаточно убедительных параллелей в реальном языковом материале, Клейбер пишет, что «теоретически» можно рассматривать его «как аналогичное <...> имени *Свандис с ласкательной формой *Сванда, *Сфанда» (65).

В связи с мнением А. А. Шахматова относительно отсутствия в Начальном своде данных «об отношениях между Олегом и Игорем» у Клейбера «возникает впечатление», что известие ИЛ «об опекунстве Олега и о родственных связях с Рюриком и Игорем находится под влиянием саги о Гутторме и Харальде Хорфагре» — современниках Олега; когда Харальду было только 10 лет, «Гутторм, его дядя, стал предводителем дружины и ведал всеми делами управления страной», он «был главой войска» и «брал молодого Харальда с собой в походы» (66). Не вполне убеждает и другое сопоставление с этой сагой: напомнив, что Харальд «имел много жен и много детей», Клейбер акцентирует внимание на том, что «дети короля Харальда были вскормлены там, где жили матери каждого из них», и пишет, что «нечто подобное» находится в ИЛ, когда она рассказывает об отпуске жен крестившимся Владимиром, «судя по всему — в их родные места» (69).

Совсем неубедительными представляются попытки Клейбера обосновать предположение о скандинавском происхождении Добрыни. Тут автор статьи вступает в противоречие с текстом ИЛ, где среди жен Владимира фигурирует Мальфрид. Клейбер присоединяется к мнению, что Упоминание вскозь этого имени в «Повести временных лет» имеет в виду не жену, а мать Владимира — Малушу. В связи с этим Клейбер Хочет убедить своих читателей, что землей древлян управляли сканди-

навы, что скандинавского происхождения был и князь Мал — отец Добрыни и Малуши, настоящее имя которой — «Мальмфрид» (67—68). Как бы забыв об этом тезисе, Клейбер далее, повествуя об отпуске Владимиром своих жен, пишет буквально следующее: «Мальфрид мы находим в городе Овруч у древлян, то есть в старинной княжеской резиденции легендарного князя Мала. И это подтверждает ее идентичность Малуше» (69). Таким образом, автор статьи, увлекшись, совместил в одном лице жену и мать Владимира Святославича.

Мнение о скандинавском происхождении Добрыни высказано Клейбером в связи с рассказом ИЛ о крещении новгородцев. Автор статьи совершенно прав, когда пишет, что это «очень длинное и трезвое сообщение», относительно которого «возникает впечатление», что оно написано «свидетелем, который прибыл в Новгород вместе с войском Добрыни (дяди князя Владимира)». Оговорившись, что «в русских летописях не содержится никаких прямых указаний на то, что Добрыня был из скандинавского рода» (66), Клейбер ищет косвенные указания.

Относительно слов ИЛ в рассказе о крещении «высший же над жрецы славян Богомил <...> вельми претя люду покорится» Клейбер заключает, что «или сам автор не был славянином», или «тогда в Новгороде было много неславян, или и то, и другое», а «кроме славян в Новгороде могли быть только скандинавы и частично финны» (66). Сказанное, конечно, верно, но Клейбер как будто бы забывает, что епископ Иоаким, к славянам не принадлежавший, был, очевидно, грек, а отнюдь не скандинав. Для греческого проповедника христианства у славян естественно было назвать главного своего антагониста славянским жрецом. Тем более, что крещению, вероятно, подлежало все население города, включая и скандинавов, имевших иных жрецов. Клейбер указывает, что Татишев ошибся в своем истолковании находящегося в ИЛ слова «каперовы» — «сие видится греческое оловянны испорчено», ибо в греческом языке близкого соответствия нет, но зато оно есть у скандинавов: «коппер» — медь (67). Это позволяет разъяснить слова «повелехом всем кресченым кресты деревянни, ово медяны и каперовы <...> на выю возлагати»: по-видимому, к крещеным скандинавам относилось повеление надевать кресты «каперовы». Однако сам Клейбер такого пояснения не предлагает, а лишь задает риторический вопрос: «каким образом простое скандинавское слово может попасть в русский текст?» (67) — подразумевая, очевидно, скандинавское авторство текста.

Общий вывод Б. Клейбера состоит в том, что «или автор самой древней части Иоакимовской летописи был скандинавского происхождения, или у него были скандинавские помощники» (70). Первую часть этого заключения следует отнести к увлеченности исследователя своей темой, но вторая требует серьезного внимания.

Естественно предполагать, что, может быть, не сам епископ Иоаким, а, что вероятнее, кто-то из его окружения, занявшийся по поручению владыки подготовкой летописи, собирая для нее материал, общался не только со славянским, но и со скандинавским населением Новгорода. В окружении же Иоакима наиболее образованную часть первоначально составляли, очевидно, прибывшие с ним греки. Фиксация материалов могла вестись сначала на греческом языке, затем уже оформлялся русский текст. В процессе такой работы имена и названия, услышанные от скандинавов, при недостаточном совершенном знании местных языков

могли оказаться в контексте, фиксировавшем рассказы славянских информаторов (и наоборот), причем возникали порожденные этим смещения смысла. Следы их можно усмотреть в некоторых несообразностях, которые, вероятно, отчасти сгладились, а может быть — и усугубились при редактированиях ИЛ до того, как она попала в руки Татищева.

Более существенными представляются смысловые параллели, относящиеся не к именам и названиям, а к историческому и к мнимому историческому содержанию таких эпизодов, как сон Гостомысла или пассаж о родстве Олега с Рюриком и Игорем: в первом случае перед нами явно мотив международного фольклора, но во втором — скорее просто сходство исторических ситуаций, осложненное, может быть, при оформлении текста ИЛ знакомством информатора с аналогичным по общему смыслу повествованием из фольклора скандинавского. В совсем слабой степени это относится к женам Владимира: из летописи не следует, что все они были отправлены в родные места.

«Иоакимовская летопись, — пишет в заключение Клейбер, — вообще вдохновляет, на мой взгляд, на более интенсивное изучение скандинавского влияния среди славян в древнейшие времена, до того как варяги пришли в страну.²⁰ Это, конечно, сложная, но благодарная задача. Параллельно с археологическими исследованиями, по моему мнению, следовало бы осуществлять более систематические сравнительные исследования фольклора и топонимов на славянском, балтийском, скандинавском и, возможно, также и финском материале» (70).

В 1962 г. вышел первый том академического издания «Истории Российской» В. Н. Татищева, которое предварялось вводными статьями. Среди них была статья М. Н. Тихомирова, посвященная источникам этого труда. Уклоняясь от серьезного разговора об ИЛ, автор статьи написал следующее: «В. Н. Татищев передал содержание Иоакимовской летописи довольно подробно. Это избавляет нас от необходимости анализировать содержание этой летописи, которая не может быть источником для каких-либо построений по истории древней Руси, но является прекрасным источником, характеризующим русскую историографию XVII в.»²¹ Со статьей Б. Клейбера М. Н. Тихомиров вряд ли успел познакомиться, зато его аттестация ИЛ стала широко известна историкам, а воздействие ее продолжает сказываться и поныне; она, конечно, повлияла, в частности, на упоминавшийся «Словарь книжников и книжности Древней Руси».

Само же издание подготовлено на основе рукописей, основные различия которых были в нем приведены, — в частности, к тексту ИЛ и к примечаниям, которыми его снабдил Татищев. Результаты более детальных сопоставлений рукописного материала, относящегося к ИЛ,

²⁰ Как пишет в другом месте Клейбер, автор ИЛ последовательно проводит различие между славянами, „русами“ и варягами. Однако под варягами, — продолжает Клейбер, — мы можем понимать скандинавов, которые в IX веке прибыли в Новгород как завоеватели; но „русы“ — это скандинавские, прежде всего, шведские колонисты, которые поселились там в незапамятные времена. В этой связи особенно интересно сообщение об Адвинде» (70). Здесь автор статьи как бы походя излагает свое понимание проблемы, дискутируемой долго и интенсивно, — не касаясь, как и в других подобных случаях, литературы вопроса.

²¹ *Татищев*. С. 52.

были опубликованы М. В. Моргаило в следующем году. Они подтвердили высказывавшийся раньше общий тезис, что «Татишев отнюдь не считал своей задачей совершенно точную передачу текста»,²² но, как выяснилось, изменения, вносившиеся Татищевым в текст ИЛ, почти не касаются содержания: это частные редакторские поправки. Только в двух случаях можно говорить о добавлениях, затрагивающих смысл. Такова часть фразы в рассказе о сновидении Гостомысла: «еже не имать наследити сын большия дщере, зане негож бе». Другое добавление — в рассказе о том, как язычники сопротивлялись крещению: «Высший же над жрецы славян Богомил, сладкоречия ради наречен Соловей, вельми претя люду покоритися». Однако сохранились не все рукописи, отражавшие работу Татищева над текстом ИЛ: существовал промежуточный, недошедший список, где были собственноручные поправки Татищева. А в дошедшей рукописи есть его приписка на поле, содержащая восполнение восемнадцати слов, явно пропущенных ранее при переписывании. Восполнения подобных пропусков могли быть и в упомянутых выше случаях. Анализ же примечаний показал, что «Татишев комментировал Иоакимовскую летопись постепенно, <...> он несколько раз обращался к ней».²³ Поэтому могли быть и восполнения ранее не разобранных мест.

Через 10 лет после выхода академического издания появилась статья А. Л. Гольдберга, содержащая весьма категоричное суждение об ИЛ, которая, впрочем, не являлась предметом его исследования: оно представляло собой классификацию списков так называемой «Истории еже о начале Русския земли».²⁴ Поскольку этот памятник тематически близок началу ИЛ и имеет с ним несколько общих персонажей, сопоставление их осуществил еще В. Н. Татишев, который высказался довольно резко об авторе этой «Истории», заключив, что «он сказание Иоакимово за основание имея, да не разумея, хотел пополнить и темность оною изъяснить, токмо ума столько не было».²⁵ По заключению же А. Л. Гольдберга, взаимоотношение двух памятников имело характер «прямо противоположный. Очевидно, составитель Иоакимовской летописи, будучи знаком с повестью о древнейшей истории Руси, позаимствовал из нее несколько героев и создал новую, не менее фантастическую легенду».²⁶ Основанием для вывода А. Л. Гольдберга была только приводимая им на этой же странице справка: «В трудах советских ученых (С. К. Шамбинаго, М. Н. Тихомирова) показано, что мнение Татищева о создании Иоакимовской летописи в древние киевские времена было ошибочным и время ее возникновения следует, по-видимому, отнести к самому концу XVII в.» (имеются в виду упомянутая выше статья

²² Валк С. Н. Татищевские списки Русской Правды // Материалы по истории СССР. М., 1957. Т. 5. С. 618.

²³ Моргаило В. М. Работа В. Н. Татищева над текстом Иоакимовской летописи // АЕ за 1962 год. М., 1963. С. 265.

²⁴ Она дважды публиковалась в XIX в. См.: Попов А. Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 442—447; Гиларов Ф. Предания русской начальной летописи. Приложения. М., 1878. С. 15—22. К этим изданиям было привлечено более двадцати списков.

²⁵ Татищев. С. 311.

²⁶ Гольдберг А. Л. Легендарная повесть XVII в. о древнейшей истории Руси // ВИД. Л., 1982. Т. 13. С. 62.

С. К. Шамбинаго и цитированное мной суждение, высказанное М. Н. Тихомировым при публикации «Истории» В. Н. Татищева).

Но вскоре обнаружился важный результат того, что археологические исследования осуществлялись не только «параллельно»: совмещение в лице В. Л. Янина археолога и исследователя письменных источников позволило ему перевести в новое качество изучение ИЛ.²⁷ Притом — без погружения в вопрос о скандинавском влиянии: В. Л. Янин сосредоточился не на второстепенной, а на центральной проблеме. Он внимательно рассмотрел все разнообразные версии летописных известий о крещении Новгорода, показывая их вторичность, и проанализировал содержание подробного рассказа, переданного Татищевым, — в сопоставлении с результатами археологического исследования той части территории древнего Новгорода, на которой разворачиваются драматические события, детальнейшим образом описанные от лица очевидца в ИЛ.

Оставив в стороне некоторые частности, воспринимаемые как «фантастический элемент в духе ономастического творчества XVII в.», В. Л. Янин констатирует, что «критической оценке вполне поддаются историко-топографические детали этого рассказа» (54) и результаты сопоставления их с бесспорными данными археологии «подтверждают реалистическое существование повести о насильственном крещении новгородцев» (56). Согласно выводу В. Л. Янина, наличие в ней «реалистических деталей, находящихся археологическое подтверждение, позволяет считать, что ее возникновение <...> опиралось на какую-то достаточно устойчивую древнюю традицию. В этой связи, — продолжает В. Л. Янин, — особую важность приобретают наблюдения Б. Клейбера, предположившего наличие в основе некоторых сведений Иоакимовской летописи скандинавского источника» (56). Действительно, «северные следы», как называл скандинавские элементы в тексте ИЛ Клейбер, это следы знакомства ее составителей со скандинавскими устными источниками тогда же, когда записывались воспоминания очевидца, и следы взаимодействия славянской и скандинавской устных традиций.

Решение главного вопроса о древней основе текста, попавшего в руки Татищева, сопровождалось у В. Л. Янина подробно аргументированными соображениями относительно оформления этого текста. К плодам такой работы исследователь отнес предшествующее рассказу о крещении Новгорода упоминание о митрополите Михаиле, присланном на Русь патриархом. Оно, как показал В. Л. Янин, не могло принадлежать очень древней традиции, так как только к 20-м годам XV в. относится «проникновение версии о том, что первым киевским митрополитом был Михаил, в Устав князя Владимира». После этого «имя Михаила, — заключает В. Л. Янин, — становится достоянием и летописцев» (56). Исследователь допускает в данной связи, что оформление текста о крещении могло произойти в середине XV в.

²⁷ См.: Янин В. Л. Летописные рассказы о крещении новгородцев. (О возможном источнике Иоакимовской летописи)//Русский город. (Исследования и материалы.) М., 1984. Вып. 7. С. 40—56.

Последней специальной работой об ИЛ стала кандидатская диссертация ныне покойного В. И. Вышегородцева, защищенная в Москве в 1986 г. Содержание ее почти не было отражено в печати.²⁸ Машинописный текст диссертации хранится в Российской государственной библиотеке. Сопоставление его с изданным авторефератом показало, что приводимые мною ниже выдержки из реферата материалом проведенного диссертантом исследования подкрепляются, хотя и не в полной мере, что я попытаюсь аргументировать.

Вышегородцев не согласился с теми своими предшественниками, которые «рассматривали Иоакимовскую летопись как „фантастический” памятник позднего летописания конца XVII века» (3). Он пишет, что вторая часть ИЛ содержит комплекс «оригинальных известий о первых русских князьях», а «рассказ Иоакимовской летописи о крещении новгородцев отражает реальную ситуацию конца X в. в Новгороде, как это было доказано В. Л. Яниным»²⁹ (15). Наиболее важными результатами проведенной диссертантом работы мне представляются плоды сопоставлений с исследованиями, помогающими гипотетически выяснить происхождение упомянутых — действительно оригинальных — известий. Общий итог оказался таков: «В основе Иоакимовской летописи лежит пропитанный христианской идеологией вариант сказания о первых русских князьях, близкий по происхождению русскому источнику „Истории Польши” Я. Длугоша. Историческая достоверность оригинальных известий в описании правления Аскольда, Ольги, Святослава, Ярополка и Владимира подтверждается сведениями византийских, арабских источников. Эти произведения стали известными российской историографии только со второй половины XVIII в. и потому не могли быть использованы в качестве исторического материала для компиляции Иоакимовской летописи. Вариант сказания о первых русских князьях, отразившийся в Иоакимовской летописи, предположительно создавался при Святополке и испытал на себе сильное культурное влияние болгарской письменности» (15).

Вышегородцев сопоставил известия ИЛ, касающиеся князя Святослава, с недавно переизданной монографией А. Н. Сахарова, основанной на совокупности источников, включая такие, которые действительно еще не были введены в оборот русской науки до середины XVIII в.³⁰ В результате подтвердилась правомерность фразы ИЛ, в которой говорится, что Святослав «на Дунае, воюя на казари, болгары и греки, имея помосьч от тестя, князя угорского и князя ляцкого, не единою побеждая, последи за Дунаем у стены долгие все войско погуби». Вышегородцев пишет, что в отличие от «Повести временных лет» «византийские ис-

²⁸ См.: *Вышегородцев В. И.* Иоакимовская летопись как историко-культурное явление: Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1986. Указанные в автореферате публикации диссертанта по объему очень невелики и касаются только периферийных тезисов его работы. Ссылки на номера страниц реферата даются мной далее в тексте, а при ссылках на страницы диссертации цифра снабжается буквой «Д».

²⁹ В. И. Вышегородцев в дополнение приводит взятые им из берестяных грамот и других источников XII—XVI вв. примеры употребления имен, содержащихся в рассказе ИЛ о крещении, — Богомил, Воробей, Путята, Стоян, Соловей (188д). Имя Угоняй встретилось в одном из вариантов «Сказания о холопей войне», которое Вышегородцев считает связанным с этим рассказом.

³⁰ Ср.: *Сахаров А. Н.* Дипломатия Святослава. М., 1982. С. 112, 163, 165, 166 и др.

точерики говорят об участии отрядов из Венгрии в борьбе русских войск с византийцами», а противостояние «русско-венгерскому союзу соглашения хазар, болгар и греков подтверждается историческими исследованиями А. Н. Сахарова». Это позволяет считать известие ИЛ «реальным и более ранним» по сравнению с записью «Начальной летописи, где хазары оторваны от своих союзников болгар». Вышегородцев обращает внимание на заключение Сахарова: «Святослав создал <...> коалицию, куда входили <...> возможно и поляки», что «совпадает с указанием Иоакимовской летописи на союз Святослава с князем лядским». Что касается «долгих стен», у которых потерпел поражение Святослав, то «Татищев не мог найти указаний, где эти стены находятся», но «известия о них имеются у Прокопия Кесарийского, который писал, что «длинные стены <...> отстоят от Византии немного больше одного дня пути»; термин этот есть и у Стрыйковского (в русском переводе XVII в. его хроники), но „в отрывке, совершенно не связанном с походами Святослава“. Ссылаясь на А. Н. Сахарова, диссертант пишет: «Поражение у „длинных стен“ под Аркадиополем, зафиксированное в византийских хрониках, послужило поводом для гонений и казней на христиан, бывших в войске Святослава» (177—178д, с отсылками к А. Н. Сахарову, Прокопию и Стрыйковскому).

В. И. Вышегородцев предполагает, что в ИЛ «нашел отражение источник, восходящий к болгарской письменности. В связи с этим, — продолжает диссертант, — понятна и негативная оценка деятельности Святослава в Болгарии, где отмечаются поражения, а не победы русских», причем «чувствуется мощная клерикальная струя», и «рассказ завершается прославлением Бога, ниспославшего смерть на князя — гонителя христиан» (179д). По мнению диссертанта, «болгарское влияние прослеживается» и в тех фразах ИЛ, где говорится, что Владимир «после победы над болгарами „прият крещение сам и сынове его, и всю землю Рускую крести. Царь же болгарский Симион приела иерей учены и книги довольны“». Отсылая к труду М. Д. Приселкова, который, вслед за А. А. Шахматовым, высказывал «гипотезу о принятии христианства Владимиром из Болгарии, точнее — Охридского царства», В. И. Вышегородцев пишет: «Имя Симеона, который умер в 927 г., носил его внук Роман <...>, нареченный царем болгар с целью возвышения Охридского царства»³¹ и, «естественно, такие подробности из политической жизни Болгарии конца X века мог знать только современник описываемых событий»³² (179—180д).

Вышегородцев соотнес результаты наблюдений над текстом ИЛ с гипотезами своих предшественников, рассмотрев, в частности, взгляды

³¹ Ср.: Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913. С. 19—20.

³² Но, как представляется, диссертант напрасно усматривает противоречие между цитированной выше фразой ИЛ и следующей, где речь идет об обращенной в Царьград просьбе прислать на Русь митрополита. Древности предыдущего текста противоречит имя присланного в ответ на эту просьбу митрополита Михаила. Знакомый с цитированной мной выше работой В. Л. Янина В. И. Вышегородцев связывает вставку о Михаиле с предполагаемым воздействием Свода 1650 года, несмотря на то что в тексте этого свода Михаил — «сирин», а в ИЛ — «болгарин». Думается, что идущее далее повествование о крещении Новгорода логично следует за общей фразой ИЛ о том, что Присланные епископы стали крестить «всюду», и в такой последовательности тоже нет противоречия, усмотренного автором (181д).

М. Н. Тихомирова, который предполагал, что существовало «сказание о русских князьях X в.», и А. Г. Кузьмина, который писал о его составлении при Святополке, соглашаясь с Тихомировым.³³

Поскольку фактический отец Святополка — Ярополк — женат был на христианке и воспитывался при дворе своей бабки — христианки Ольги, В. И. Вышегородцев предполагает, что Ярополк «воспринял от нее христианство», хотя, как говорится в ИЛ, «не крестися народа ради». В связи с тем, что жена Ярополка, приведенная Святославом из Болгарии, была там «черницей», диссертант предположил, что «при дворе Ярополка и его жены-христианки имелись пресвитеры болгарского происхождения, составлявшие окружение Ярополка и вызывавшие недовольство дружинников — поклонников языческих культов» (182д). Это позволяет автору объяснять прохристианскую и антиязыческую тенденцию ряда оригинальных текстов ИЛ, посвященных событиям, происходившим после Рюрика и до вокняжения Владимира. Сюда относятся не только чрезвычайно благожелательный отзыв ИЛ о Ярополке и особенности в изложении войны с ним Владимира, бывшего еще язычником, но и упомянутые выше тенденции в рассказе о княжении Святослава, и оригинальные подробности в описании княжения Ольги, и текст известия ИЛ об убиении «блаженного» Аскольда, преданного киевлянами-язычниками после принятия им крещения, известие о котором, как предполагает В. И. Вышегородцев вслед за В. Н. Татищевым, читалось на листах, утраченных в оригинале рукописи ИЛ, полученной от Мелхиседека.

А так как из текста ИЛ можно заключить, что Владимир принял крещение в Болгарии, откуда затем прибыли ученые иереи, В. И. Вышегородцев на этом основании соглашается с теми своими предшественниками, которые предполагали либо ведение летописания уже при Ярополке, либо создание при его сыне Святополке исторической повести о первых русских князьях. Диссертант связывает ее составление со Святополком, поскольку весьма сдержанное отношение ИЛ к Владимиру — в противовес отношению к Ярополку — делает естественным предположение, что тексты эти создавались в окружении князя, настоящим отцом которого был не Владимир, а Ярополк.

Почти половина работы Вышегородцева посвящена упомянутой уже «Истории еже о начале Русския земли», или, как ее именует диссертант, «Повести о древнейшей истории Руси», а также частично — летописным сводам 1650 и 1652 гг., поскольку в их составе эта повесть появилась, позже распространившись в отдельных списках. Но, в отличие от Гольдберга, диссертант рассматривал не столько взаимоотношения текстов, сколько взаимоотношения идей, выделенных им в главных разновидностях «Повести». Однако что касается соотношения «Повести» и ИЛ, то в этом вопросе В. И. Вышегородцев в сущности солидарен с Гольдбергом и даже приводит в этой связи любопытный «текстологический» довод. Согласно «Повести», послы из Русской земли, прибывшие к Рюрику, «молиша его, да идет к ним княжити; и умолен бысть князь Рюрик и поиде на Русь». По мнению диссертанта, «неоднократное обращение послов к Рюрику с „мольбой" о принятии престола <...> в

³³ См.: Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 27—29, 57—66; Кузьмина А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 346—348.

Иоакимовской летописи превращается в название средней дочери Гостомысла» — Умила (160д). А это, считает В. И. Вышегородцев, «позволяет говорить о трансформации взглядов летописцев на природу монархического правления по такому важному вопросу, как взаимоотношение государя, царской власти и народа» (161д). Имеется в виду переход от избрания царя народом к наследственной передаче власти.

Однако и в «Повести», и в ИЛ послы обращаются с просьбой к Рюрику один раз — по указанию Гостомысла. Разница состоит только в стиле: в ИЛ об этом сказано кратко и просто, в «Повести» — пространнее и довольно напыщенно. Имя Умилы — аргумент явно искусственный. Другое дело, что через нее власть, согласно ИЛ, переходит от Гостомысла к его внуку, а в «Повести» просители обращаются к наследнику «самодержцев, иже от рода кесаря Августа» — лицу гораздо более знатному, чем внук Гостомысла. Это — разница существенная. Как известно, эпизод, в котором «воевода новгородскы имянем Гостомысль» перед смертью «сзъва владалца сушая с ним Новгорода» и дает им совет призвать князя «римска царя Августа рода»,³⁴ был еще в послании Спиридона—Саввы, где появился, по-видимому, в начале XVI в., перейдя оттуда в «Сказание о князьях владимирских» и в летописи XVI—XVII вв. Восходит ли здесь завешание Гостомысла к устному источнику или к письменному, сказать пока трудно, но при сравнении с текстом ИЛ эпизод выглядит явно вторичным: естественно, что тогда более соответствующей престижу России была сочтена просьба о принятии престола, обращенная к потомку императора Августа, а не к родственному по женской линии иностранному потомку местного правителя. В результате получалось, что династия Рюриковичей происходит от Августа, а не от Гостомысла. Переработка в обратном направлении была бы необъяснима.³⁵

Судя по диссертации В. И. Вышегородцева, он был плохо знаком с работой Б. Клейбера и не был знаком со статьей М. Горлина. Но отчасти оказался близок последнему, так как относил составление ИЛ ко второй трети XVIII в. и пытался связать его с политической ситуацией того времени. Однако, согласно Вышегородцеву, составитель ИЛ «принадлежал к дворянской среде» (14), причем остается непонятным, как возникшая в этой среде летопись сразу же оказалась в Бизюкове монастыре у малообразованного Мелхиседека. Есть в диссертации и другие несогласованные, малообоснованные соображения, иногда — просто домыслы. Но В. И. Вышегородцеву удалось убедительно показать, что «вторая часть Иоакимовской летописи сохранила отзвуки ранней летописной традиции», причем «отдельные известия ее обладают чертами исторической реальности» (16).

Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955. С. 162.

Столь же несостоятельной представляется мысль Вышегородцева о соотносительности Гостомысла с Петром I, а Умилы — с Елизаветой Петровной, поскольку обе они — средние дочери умерших правителей (14). «Сходство» слишком отдаленное: Умила не получала престол, как Елизавета, а Петр его никому не завещал. Повествование *Л о Гостомысле имеет в виду передачу власти сыну замужней дочери правителя, тогда как дочь Петра сама взошла на престол, будучи незамужней, и ее власть не нуждалась в обосновании столь сомнительной исторической параллелью, так как обеспечивалась полне реальной поддержкой со стороны гвардии и широких кругов дворянства.

Относительно рассказа о крещении это доказал В. Л. Янин, а что касается других известий, то Вышегородцев привел подтверждения тому, о чем не без оснований писал еще П. А. Лавровский.

Разговор об истории изучения ИЛ оказался бы весьма неполным, если оставлять в стороне труды А. А. Шахматова. До сих пор к ним русские исследователи ИЛ почему-то почти не обращались.

А. А. Шахматов не раз высказывался в том смысле, что епископ Иоаким был инициатором составления древнейшей летописи Новгорода, и полагал, что ее фрагменты передает текст, опубликованный Татищевым. Хотя, по выражению А. А. Шахматова, «то, что под Иоакимовою летописью разумеет Татищев, принадлежит новейшему сочинительству», речь здесь, несомненно, идет о позднейших наслоениях, которыми уснащена древняя основа текста, фрагментарно напечатанного Татищевым. Непосредственно после только что приведенной фразы А. А. Шахматов пишет: «Вчитываясь внимательно в изданную Татищевым Иоакимову летопись, мы приходим к следующему выводу: рассказ о крещении Новгорода содержит черты, отличающие современника; некоторые части его могут принадлежать первому епископу новгородскому Иоакиму. Это обстоятельство дает нам основание предположить, что древнейшее летописание новгородское восходит ко временам Иоакима». А. А. Шахматов связывал с деятельностью Иоакима не только самое начало летописной работы в Новгороде, выразившееся в фиксации «событий новгородских». Он далее пишет: «Предание упорно приписывает Иоакиму составление такого летописного свода, где между прочим говорилось и о первых князьях русских: ср., с одной стороны, свидетельство Татищева, а с другой — сохранившееся в приложениях к Комиссионному списку Новгородской 1-й летописи заглавие, написанное, по-видимому, рукою XVIII века». Приведя это заглавие,³⁶ А. А. Шахматов продолжает: «Вот почему я решаю предположить, что *Иоакимово летопись дошла до нас в том своде, который предшествует Новгородской 1-й летописи* и который по его древности можно назвать „Начальным сводом“. Епископ Иоаким скончался в 1030 г.: это обстоятельство указывает нам тот объем, который могла иметь первоначальная Иоакимовская летопись». Но она уже соединяла материал новгородского происхождения с киевским. Как пишет далее А. А. Шахматов: «Епископ Иоаким в основание своего свода положил письменный источник: рассказ киевский о первых князьях русских, рассказ, изложенный в известной части без всяких хронологических данных».³⁷

В последовавших работах А. А. Шахматова концепция его обогатилась новыми звеньями, выяснилось, что Начальному своду предшествовал Древнейший киевский свод, причем составлен он был в 1039 г., а Начальный — в 1093 г.; между ними А. А. Шахматов помещал Новгородский свод 1050 г. Среди источников его была летопись епископа

³⁶ Подстрочное примечание А. А. Шахматова: «Летопись Акима епископа новгородского. Опсуду пошла Роусская земля и кто въ ней преже нача княжити и откоуду Роузкая земля пошла естъ именемъ о семь начнемъ повесть сию въкратце изъ великаго льтописания» (Новгородская летопись по Синодальному харатеиному списку. СПб., 1888. С. VII).

³⁷ *Шахматов А. А.* Общерусские летописные своды XIV и XV веков//ЖМНП. 1900. Ноябрь. С. 183, 184, 185.

Иоакима, продолженная до 1036 г. и опосредованная сводом 1039 г. Рассматривая предположительный состав свода 1050 г., А. А. Шахматов резюмировал: «Предьдущее исследование приводит меня к следующему заключению. В 1017 году новгородские власти во главе с посадником и епископом решили вписать Правду новгородскую (как, по-видимому, называлась Ярославова грамота) в летопись; исполнение этого решения принял на себя епископ Иоаким. Так возникла первая Новгородская летопись».³⁸ Восстановлением ее текста А. А. Шахматов не занимался, но давая гипотетический текст Новгородского свода 1050 г., он включил в него слова «посадиша старейшину Гостомысла»³⁹ — на основе летописей XV в., поясняя: «Находим неизбежным возвести это известие к своду XI века и предполагаем, что оно читалось в нем в рассказе о древнейшем моменте истории Новгорода».⁴⁰

Напечатанный Татищевым текст ИЛ древнейший момент истории Новгорода излагает гораздо страннее, чем реконструированный А. А. Шахматовым текст свода 1050 г., причем центральной является именно фигура Гостомысла. Новгородский же свод 1050 г. непосредственно основан был уже не на своде Иоакима, а на недавнем киевском своде 1039 г., поскольку последний был в сущности официальным летописным сводом русской митрополии.⁴¹

Этим объясняется то обстоятельство, что восходящая к Новгородскому своду 1050 г. древнейшая летопись Новгорода, которая дошла до нас — Новгородская первая, — не связана текстуально с ИЛ. Последний исследователь Новгородской первой летописи, подводя итоги своей работы, пишет о предьдущей истории этого памятника: «В середине XI в. в Новгороде при Софийском соборе был составлен летописный свод, соединивший какие-то части древнейшего киевского летописания с начатками местной летописи. На протяжении второй половины XI—начала XII в. он несистематически пополнялся отдельными летописными записями».⁴² Более детально об этом писал в свое время А. А. Шахматов: «В 1050 году окончена строением и освящена церковь св. Софии в Новгороде. В ознаменование этого события строители храма, князь Владимир и епископ Лука, решили озаботиться составлением летописного свода. В основание древнего Новгородского свода был положен

³⁸ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 508.

³⁹ Там же. С. 611. •

⁴⁰ Там же. С. 213.

⁴¹ А. А. Шахматов датировал этот свод 1039 г., связывая его создание с учреждением митрополии в Киеве. По заключению Герхарда Подскальски, «эта датировка, которой придерживались Шахматов, Истрин, Приселков и др., в свете последних исследований выглядит окончательно устаревшей, поскольку учреждение митрополии хронологически находилось в непосредственной связи с крещением Владимира в 988 г.» (Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси. (988—1237 гг.). СПб., 1996. С. 331). Основания, относящиеся ко времени учреждения митрополии, Г. Подскальски приводит на с. 42—51. Но они могут повлечь за собой передвижку датировки свода не более, чем на два года, так как она диктуется содержанием заключительных известий. Согласно выводу А. А. Шахматова, свод «оканчивался прославлением Ярослава, строителя храмов и распространителя духовного просвещения»; это — ставший хрестоматийным текст 1037 года (см.: Шахматов А. А. Разыскания...^c - 530 и 582—584).

Gunnys A. A. К истории сложения текста Новгородской первой летописи// НИС. СПб., 1997. Т. 6(16). С. 68—69.

Древнейший Киевский свод <...> Другим источником послужила Новгородская летопись 1036 года <...> Сначала сводчик прибег к компилированию своего новгородского источника с киевским (события до 1017 года); но потом передал текст новгородского источника отдельно, поместив его вслед за упомянутым кратким извлечением из Древнейшего свода (события после 1017 включительно до 1036 года). Рассказ о событиях после 1037-го и до 1050-го года включительно составлен сводчиком самостоятельно на основании расспросов и припоминаний.

Вскоре текст Древнего Новгородского свода обосложнился приписками; эти приписки имеют характер погодной летописи, но изучение их показывает, что они записаны в несколько следовавших друг за другом моментов».⁴³

При этом А. А. Шахматов отмечал, что из новгородской летописи 1036 г. был взят текст «1015 и следующих годов», а также «крещение Новгорода». Текст 1015—1017 годов, каким он предположительно читался в летописи епископа Иоакима, А. А. Шахматов привел в своих «дополнительных примечаниях».⁴⁴ Текст этой летописи, полученный Татищевым, обрывается раньше, поэтому материала для сопоставления не дает. Что же касается крещения Новгорода, то в 1050 г. подробное повествование о нем летописи Иоакима уже потеряло свою актуальность и было заменено кратким известием: «Приде Новугороду епископъ Иоакимъ Кърсуянинъ и требища раздруши и кумиры посьче».⁴⁵

Таким образом, обращение к трудам А. А. Шахматова не оставляет сомнений в том, что Иоакимовская летопись в ее первоначальном виде мыслилась им как древнейший этап новгородского летописания, а составленный Иоакимом летописный свод — как этап общерусского летописания, предшествовавший тому киевскому своду, который А. А. Шахматов впоследствии называл «Древнейшим».

Дополнения и коррективы, предлагавшиеся позднейшими исследователями летописей, не затрагивают существенно схему А. А. Шахматова в тех ее частях, которые имеют отношение к изучению ИЛ. Но они дают основания присоединить к ней упомянутую частную гипотезу относительно недошедшего памятника, связанного с Ярополком Святославичем и Святополком Владимировичем. Можно попытаться, опираясь на труды А. А. Шахматова, учитывая работу П. А. Лавровского и достижения последних десятилетий, нарисовать гипотетическую картину возникновения и дальнейшей судьбы ИЛ.

Епископ Иоаким в 1017 г. приступил к составлению летописи в связи с событиями этого года. Возможно, что подготовка — собирание материала по истории Новгорода — была начата и раньше, когда в Новго-

⁴³ Шахматов А. А. Разыскания... С. 530—531.

⁴⁴ См. там же, с. 620 и 660—661.

⁴⁵ Там же. С. 616. По-видимому, А. А. Шахматов был неточен, когда писал, что уже сама составленная в 1017 г. летопись «сообщала кратко о крещении Новгорода прибывшим туда Иоакимом» (с. 508), и не упоминал подробный рассказ о событиях этого крещения, хотя возможную принадлежность частей этого рассказа самому Иоакиму А. А. Шахматов оговорил ранее. Короткое известие «Приде Новугороду <...> и кумиры посьче», где об Иоакиме говорится в третьем лице, могло быть написано после его смерти — в замену повествования, излагавшего события от первого лица. Это тем более вероятно, что, по словам А. А. Шахматова: «Появившаяся в 1017 году при владычнем дворе епископа Иоакима летопись нескорю нашла себе продолжение» (с. 509).

оде княжил Ярослав. После победы его над Святополком повествование о первых русских князьях, составленное при Ярополке и дополненное при Святополке, было прислано Ярославом Иоакиму как материал для летописного свода, о работе над которым было известно Ярославу. Другим материалом становились записи устных преданий, относящихся к предыстории Новгорода и Новгородской земли, — записи, осуществлявшиеся помощниками Иоакима или им самим со слов местных информаторов, среди которых могли быть и жившие в Новгороде скандинавы. Так как главным делом для епископа являлось распространение христианской веры и преодоление сопротивления этому со стороны активных приверженцев язычества, в летопись было включено подробное описание того, как это происходило при вооруженном содействии Добрыни и Путяты. Косвенно той же цели служило включение в летопись материалов повествования Ярополка — Святополка, поскольку в нем акцент делался на осуждении противохристианских поступков язычника Святослава и выражались симпатии к христианину Аскольду. Работа над пополнением летописи новгородскими материалами продолжалась и после смерти Иоакима вплоть до 1036 г.

В следующем году Ярослав в Киеве «собра писць многы и прекладаше от грекъ на словьньское писмо».⁴⁶ Можно думать, что среди собранных в Киев книжных людей был и тот, кто продолжал летописные записи при епископском дворе в Новгороде. Вести там эту работу стало некому, а летописный свод Иоакима как целое оказался невостребованным. Причина достаточно ясна: свод Иоакима уделял преимущественное внимание Новгороду и утверждению христианства там, а не в Киеве, предыстории Новгорода, а не Киева, сочувствовал Аскольду, которого убил Олег, прибывший с первым киевским князем Рюриковичем, осуждал Святослава, чьи соратники в Киеве повествовали, вероятно, о его военных подвигах еще совсем недавно, благожелательно сообщал о Ярополке, которого отец Ярослава лишил законного престола. Древнейший киевский свод, составление которого А. А. Шахматов относил к 1039 г., видимо, только частично использовал свод Иоакима, в основном опираясь на материалы киевские, не отягощенные принадлежностью к повествовательной традиции Ярополка — Святополка.

О дальнейшей судьбе рукописи, содержащей свод Иоакима Корсунинина, дополненный, вероятно, до 1036 г., могут быть высказаны еще некоторые догадки, предварительный характер которых очевиден. По всей видимости, летопись была возвращена в Новгород (а может быть, там и оставалась: в Киев могли посылать список с нее). Но ее уже не продолжали, так как основой дальнейшей летописной работы стал Новгородский свод 1050 г. Рукопись попала в архив при канцелярии новгородских владык и не извлекалась при составлении последовавших новгородских сводов, так как было известно, что она уже использована в Древнейшем своде, на котором был основан Новгородский свод 1050 г., и продолжения не имеет.

Но к ней могли обратиться в связи с канонизацией Иоакима Корсунинина, которая произошла в 1439 г.:⁴⁷ изготовить список с текста

Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 66.
Q - См., например: [Барсуков Н. П.] Источники русской агиографии. СПб., 1882.

четырехвековой давности, отдавая этим дань уважения новопрославленному первому епископу Новгорода. Именно тогда в текст могли попасть слова о том, что исходный оригинал его «святитель Иоаким, добре сведомый, написа». Тогда же, вероятно, ввели важное упоминание о митрополите Михаиле — дабы привести текст, атрибутируемый святому епископу Иоакиму, в соответствие с только что утвердившимся представлением о том, кто являлся первым русским митрополитом. Идеологическая направленность мероприятий архиепископа Евфимия II, среди которых заняла свое место канонизация Иоакима Корсунянина, позволяет думать, что летопись могли дополнить и в начальной части, уснастив фольклорными по происхождению материалами, способствовавшими поднятию престижа Новгорода. Это мог быть, прежде всего, тот литературно обработанный текст предания о Гостомысле, который в основе своей, вероятно, отображал историческую реальность, но, будучи уснащен традиционными мотивами, воспринимается нами в целом как содержащий псевдоисторический вымысел. Могли быть использованы и другие материалы устной традиции, которые в дошедшем тексте начальной части ИЛ порой трудно выделить среди плодов довольно наивного на наш взгляд историографического творчества, осложненных редакторскими привнесениями на заключительном этапе истории летописного текста.

Последующее обращение к Иоакимовской летописи было, как можно думать, вызвано событием 1699 г.⁴⁸ — перенесением мощей Иоакима Корсунянина и погребением их в Новгородском Софийском соборе.⁴⁹ К тому времени новгородские летописные своды последней четверти XVII столетия были уже составлены, существовала во многих списках «История еже о начале Русския земли», введенная в текст двух последних сводов. Сводчики, работавшие при дворе новгородских митрополитов, привлекли ее как источник, более отвечавший их представлениям о государственном престиже России и Новгорода, поскольку она возводила Рюрика от императора Августа. Неиспользованную небольшую по объему Иоакимовскую летопись все же переписали по случаю торжества, столь непосредственно связанного с ее первым составителем. Но время было для церкви не очень благоприятное. Умер последний патриарх, началась Северная война. Новый список с летописи епископа Иоакима изготовили без подобающей тщательности, оговорив все же утрату двух листов в оригинале XV в., на которых, как предположил Татищев, речь шла о событиях, связанных с крещением Аскольда. Эти листы могли быть вырваны, когда шла работа над Никоновской летописью. Повышенный интерес ее составителей к этому князю, к его походу на Константинополь и самому крещению имел результатом как бы «учетверение» соответствующих известий вследствие привлечения разных источников об одних и тех же фактах.⁵⁰ Собирая свидетельства об Аскольде, могли не остановиться даже перед грубым изъятием нуж-

⁴⁸ См.: Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 379.

⁴⁹ См. об этом: Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988. С. 58—59.

⁵⁰ См.: Творогов О. В. Сколько раз ходили на Константинополь Аскольд и Дир? // Славяноведение. М., 1992. № 2. С. 54—59.

ного текста из рукописи, хранившейся в архиве новгородского митрополита.

Как попала ИЛ из Новгорода в Бизюков монастырь, пока остается только гадать, поскольку довольно частые перемещения архимандритов создавали возможность перемещения и рукописных книг. Не исключено, что еще может обнаружиться полный текст ИЛ, так как свидетельство о его существовании, происходящее, впрочем, из не очень надежного источника, было некогда опубликовано.⁵¹

⁵¹ По словам И. П. Елагина, «некто охотник из дворян новгородских, прозвищем Крекшин, предприяв во время императора Петра I собирать русское повествование, открыл древнюю рукопись Иоакима, первого новгородского епископа, из которой потом рачительный господин Татищев, не могший целюя достать, оставил нам перечень в I части своей летописи. Невозможно не сожалеть о утрате сего глубочайшей древности кладезя, о котором Крекшин в Хронографе своем уверяет, что он имел его между прочим собранием летописей весь сполна...» (*Елагин И.* Опыт повествования о России. М., 1803. Кн. I. С. 101). В материалах П. Н. Крекшина такого уверения, насколько я знаю, пока не обнаружено.